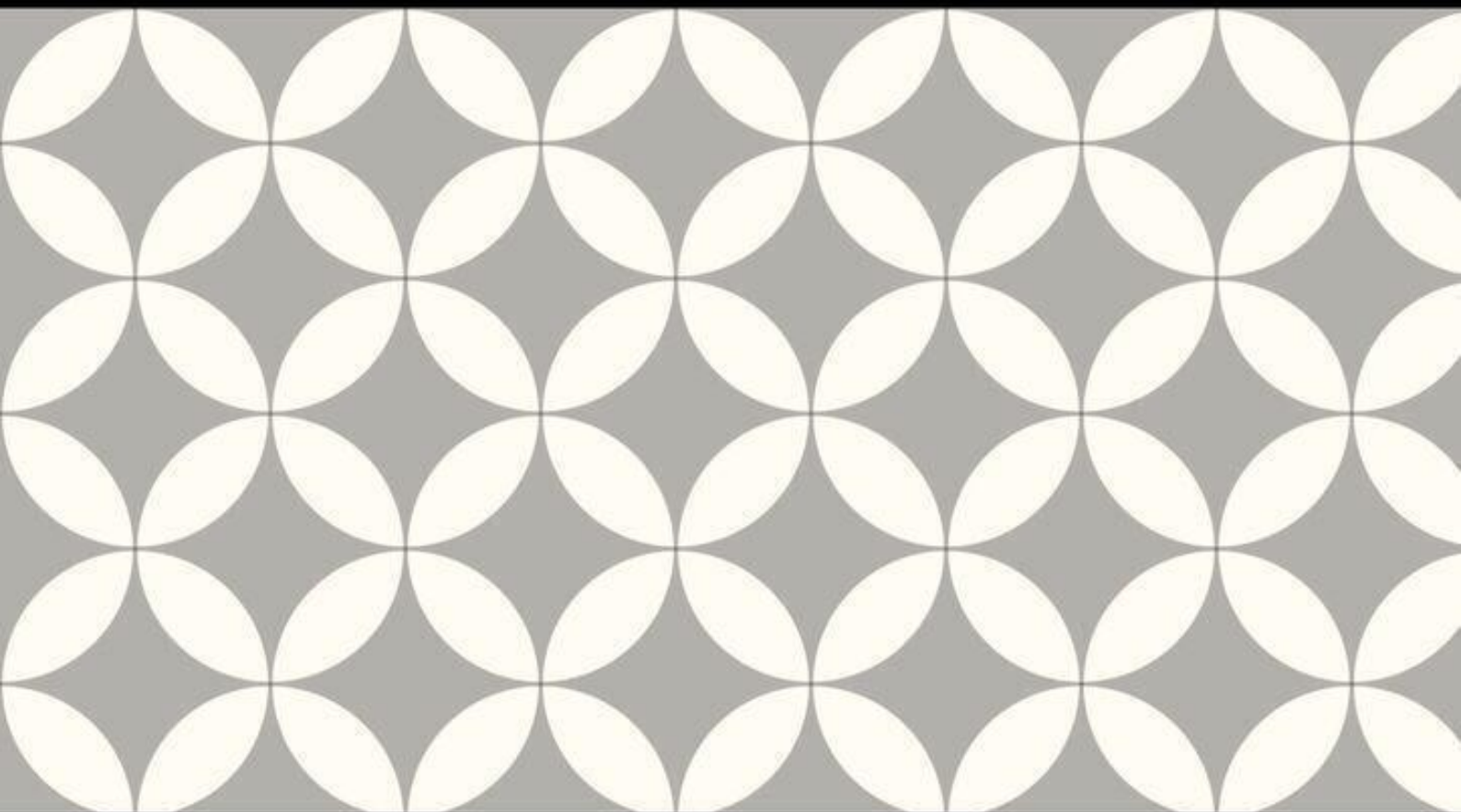

18+

Иван Артемович Демушкин

НУЛЕВОЙ ДОПУСК

Иван Демушкин
Нулевой допуск

«Издательские решения»

Демушкин И. А.

Нулевой допуск / И. А. Демушкин — «Издательские решения»,

«Нулевой допуск» — это история о человеке, который сгорел в пламени своей мечты, но нашёл силы подняться из пепла. О том, как хрупкая керамика становится крепче стали. О том, что настоящий инженер строит не только машины — он строит свою судьбу. Для поклонников техно-триллеров, производственных драм и историй о силе духа. Здесь есть всё: риск, любовь, борьба и звёзды, которые ждут своего часа.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Нулевой допуск

Иван Артемович Демушкин

© Иван Артемович Демушкин, 2026

ISBN 978-5-0071-0023-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ледяной ветер рвал комбинезон, когда Игорь Рязанцев в последний раз проверил показания датчиков на мониторе. Тринадцатый испытательный стенд — самый мощный в стране — гудел низкочастотным напряжением, будто живое существо, готовое вырваться на свободу. За бронированным стеклом наблюдательного бункера горели зелёным светом сотни индикаторов. Давление в камере сгорания росло по графику. Игорь поправил гарнитуру и сказал в микрофон:

— Температура на входе в турбину — 1680 градусов. Держим. Жора, как там расход?

Георгий Соболев, его друг и ведущий испытатель, сидел за пультом внутри самого двигателя — в специальной капсуле с теплозащитой. Они провели в этой лаборатории больше двух лет, по ночам, в выходные, пряча от начальства собственные эксперименты. Жора был единственным, кто верил в керамические лопатки. Он не раз говорил: «Игорь, это не просто двигатель — это наша детская мечта, помнишь, мы хотели построить самолёт, который не сломаётся никогда».

— Расход в норме, — ответил Жора, и в голосе его звучала улыбка. — Лопатки вибрируют, но в допуске. Твоя керамика работает, чёрт возьми!

— Не расслабляйся, — Игорь скользнул пальцами по тачпаду, выводя график крутящего момента. — На четвёртой минуте идёт пик температуры. Готовься к переключению на форсаж.

Он видел Жору через внутреннюю камеру — лысеющего, весёлого, с вечными масляными пятнами на щеках. Жора поднял большой палец и подмигнул. Игорь улыбнулся в ответ — редкость для него, замкнутого и всегда хмурого «технаря», как его называли в корпорации.

Турбина взревела мощнее. Стрелка тахометра поползла в красную зону. Игорь знал, что расчёты верны: при 1700 градусах его композитные лопатки должны были работать без внутреннего охлаждения, как никакая сталь. Это был прорыв. Это был его билет из тени отца, который тоже когда-то мечтал, но разбился вместе с прототипом.

— Секунд десять до форсажа, — сказал Игорь. — Давай, Жора, не подведи.

— Я никогда тебя не подводил, — хрипло рассмеялся друг.

Игорь нажал клавишу подачи дополнительного топлива. За бронестеклом полыхнуло ослепительным белым — температура скакнула до 1750 градусов. Вентиляторы загудели, пол под ногами задрожал. Игорь прильнул к мониторам — вибрация была в пределах расчётной, давление стабильно, керамика держалась уже пять минут, что превышало все мировые рекорды.

— Есть! — закричал Жора. — Мы сделали это! Игорь, мы сделали!

Но в ту же секунду зелёный график вибрации дёрнулся, как будто кто-то ударил молотом по валу. Игорь перевёл взгляд на осциллограф — аномальный пик. Слишком резкий, слишком высокочастотный. Не от лопаток, откуда-то из области подшипников.

— Жора, уходи! — заорал он в микрофон. — Отключай, немедленно!

— Не могу, клапан заклинило! — голос друга стал прерывистым. — Игорь, масло... оно... оно чёрное, там стружка!

В следующую секунду мониторы погасли. Игорь услышал низкий, нарастающий гул — предвестник того, что происходит, когда центробежная сила разрывает вращающуюся массу. Он рванулся к аварийной кнопке, но его тело опередил звук — короткий, хлесткий, как удар бича, а затем ослепительная вспышка, которая выжгла перед глазами красные пятна.

Взрывной волной его швырнуло к бетонной стене. Он ударился головой, потерял сознание на мгновение, а когда открыл глаза, бункер заполнил чёрный едкий дым. Пожарные сирены выли так, что закладывало уши. Игорь пополз к выходу, сдирая кожу об осколки бронестекла, и единственное, что он слышал сквозь шум, был голос, который больше никогда не засмеётся.

— Игорь... я... я не вижу... стоп... — и тишина.

— —

Три месяца спустя.

Зал заседаний ведомственной комиссии напоминал актовый зал советской школы — высокие потолки, портрет министра на стене и длинный стол, покрытый зелёным сукном. Игорь сидел на деревянном стуле, сцепив руки в замок, и смотрел на папку с надписью «Акт расследования». Синяк на скуле уже сошёл, но внутри всё ещё болело — каждая клетка помнила ту секунду, когда он не успел.

Председатель комиссии, грузный мужчина с генеральскими погонами на гражданском пиджаке, медленно перелистывал страницы. Закончив, он поднял глаза и посмотрел на Игоря, как смотрят на клопа под микроскопом.

— Гражданин Рязанцев, ваша подпись на протоколах испытаний. Вы утверждали, что керамические лопатки прошли все этапы стендовой проверки.

— Они прошли, — глухо сказал Игорь. — За два месяца до взрыва мы сделали тридцать три запуска в режиме форсажа. Ни одного сбоя.

— Однако экспертиза показала, что в лопатках образовались микротрещины из-за перегрева. Причина — ошибочный расчёт теплового расширения. Что вы скажете?

Игорь поднял голову. В глазах его не было ни страха, ни покорности.

— Я скажу, что трещины появились не из-за расчёта. Я скажу, что масляная система была загрязнена металлической стружкой. Кто-то подсыпал её намеренно, чтобы имитировать разрушение подшипника. Пожалуйста, посмотрите спектрографию масла после катастрофы — там должны быть следы легированной стали, которой нет в штатной конструкции.

Генерал хмыкнул и перевернул страницу.

— Спектрография показала наличие продуктов износа, характерных для нормальной эксплуатации. Ваше заключение отклонено, как не подтверждённое фактами. У нас нет оснований для версии о саботаже. Но у нас есть ваши собственные записи — вы признавались, что сомневались в температурной стойкости материала.

— Это были рабочие сомнения! Я перепроверял — и всё подтвердилось!

За спиной Игоря скрипнула дверь. Он обернулся и увидел Алексея Кравцова — своего бывшего ученика, того самого, кому он доверял все расчёты. Алексей стоял в дверях, с папкой под мышкой, и смотрел на Игоря с выражением озабоченности.

— Господин председатель, — начал Алексей, — я могу подтвердить, что на стадии проектирования Игорь не раз обсуждал со мной риск термического растрескивания. Он сам говорил, что керамика непредсказуема.

Игорь вскочил:

— Ты врёшь, Алексей! Ты же был на тех испытаниях! Ты видел, как она работала!

— Игорь, успокойся, — мягко сказал Алексей, но в уголках его губ мелькнула тень, которую Игорь не заметил бы, если бы не знал его двадцать лет. — Я понимаю, тебе больно, ты потерял друга. Но мы должны смотреть правде в глаза. Ошибка — это ошибка.

Комиссия проголосовала единогласно. Игоря Рязанцева лишили звания ведущего конструктора, пожизненно отстранили от работы с авиационными двигателями и обязали выплатить стоимость повреждённого стенда — сумма, равная десяти его годовым окладам. Он вышел из зала, не чувствуя ног.

— —

Два часа спустя.

Квартира на окраине Москвы, двухкомнатная, с грязными окнами, выходящими на железную дорогу. Игорь сидел на полу в полупустой комнате — мебель уже продали, чтобы покрыть первые взносы по иску. На столе стояла наполовину пустая бутылка водки, но к ней он не притронулся. Он держал в руках фотографию: они с Жорой на фоне старого Ан-2, оба в кожаных куртках, смеются, и ветер развеивает волосы Жоры. На обороте подпись: «Если эта хрень взлетит, мы купим остров».

Игорь закрыл глаза и услышал снова тот звук. Взрыв. Крик. Тишину.

Дверь открылась. Вошла Ольга — его невеста, высокая брюнетка, врач-реаниматолог. Она была в том же платье, в котором он видел её утром, но теперь лицо её было бледным, под глазами залегли тени. Она остановилась в дверях, глядя на него, на бутылку, на фотографию.

— Игорь, — голос её дрогнул, — я всё знаю. Мне позвонили из комиссии.

— Они убили его, — сказал Игорь, не поднимая головы. — И они убили меня.

Ольга подошла и опустилась перед ним на колени, попыталась взять его за руки, но он отдернул ладони.

— Я думала, ты борешься. Я думала, ты будешь доказывать. У тебя же есть расчёты, твои записи, черновики... ты говорил, что знаешь, кто это сделал. Почему ты не выложил всё на суде?

— Потому что на суде не смотрели на черновики, — усмехнулся Игорь, и смех его был похож на кашель. — Они смотрели на мою репутацию. Я — сын инженера, чей мост рухнул. Я — выскочка, который лезет с керамикой туда, где нормальные люди используют сталь. Мне никто не поверит. Даже ты, я вижу, уже сомневаешься.

Ольга встала, резко, как от пощёчины.

— Я сомневаюсь только в одном: ты живёшь или ты уже похоронил себя вместе с Жорой? — она закусила губу, и в глазах блеснули слёзы. — Я люблю тебя, Игорь. Но я не могу смотреть, как ты сгораешь в этой ненависти. Ты даже не пытаешься жить.

— Ну так иди, — сказал он безжизненно. — Иди к тому, кто умеет жить. Алексей, например, он уже новый главный конструктор. И он такой умелый, такой обходительный...

Ольга посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом, развернулась и ушла, хлопнув дверью.

Игорь остался один.

Он поднял фотографию, поцеловал её, потом перевернул и стал смотреть на пустой потолок, где разводами расплывалась тень от уличного фонаря. И в этой тишине, в этом запахе пыли и запустения, он вдруг вспомнил слова отца, которые тот сказал за месяц до своей смерти, сидя в мастерской и перебирая старые чертежи:

— Сынок, если ты не ошибаешься, значит, ты ничего не создаёшь. Но если ты ошибаешься, помни: настоящий инженер отличается от остальных тем, что он умеет признавать вину — и идти дальше. Даже когда все против.

Игорь зажмурился и прошептал в пустоту:

— Прости, папа. Я не могу идти. Там, где я сейчас, — нет пути.

Он взял бутылку, открутил крышку, сделал большой глоток. Водка обожгла горло. Он поставил бутылку на подоконник и в последний раз взглянул на фотографию, а затем уронил голову на сложенные руки. За окном начинался дождь.

— —

Пять лет спустя.

Небольшой аэроклуб в Саратовской области. Запах авиационного керосина, бензина, старого брезента. Игорь — в промасленной куртке, с обветренным лицом и ранней сединой на висках — стоял под крылом биплана Ан-2 и затягивал гайку на карбюраторе. Никто не называл его гением. Здесь он был просто «Рязанцев», механик, который может оживить любой мотор, но никогда не говорит о прошлом. Он научился смеяться над собой, пить по вечерам, а по утрам — молча чинить чужую технику.

В ангар зашла рыжеволосая девушка в лётном шлеме — Аня, пилот-инструктор, дерзкая и шумная. Она хлопнула его по плечу:

— Слушай, Рязанцев, у меня на третьем цилиндре перегрев. Говорят, ты умеешь сделать так, чтобы старушка летала как новенькая.

Игорь не обернулся. Он только усмехнулся, снимая масляные перчатки.

— Летать она не будет как новенькая. Но упасть — не упадёт. Я ручаюсь.

Он вытер руки ветошью и, выходя из ангара, поднял голову к небу. Там, на прозрачной высоте, оставлял белый след самолёт, который кто-то создал по правильным чертежам. Игорь проводил его взглядом и почувствовал, как внутри что-то кольнуло — остаток того огня, который он считал потухшим.

— Ладно, — пробормотал он, направляясь к старому биплану. — Посмотрим, что там с твоей головой, красавица.

Аня шла за ним, смеясь чему-то своему, а за спиной Игоря, в двух километрах от аэродрома, на трассе остановился чёрный джип. Человек в тёмных очках поднял бинокль и, разглядев фигуру механика, снял телефонную трубку.

— Он здесь, — сказал человек. — Жив, здоров и возится с железом. Ждём ваших указаний.

В трубке что-то коротко ответили. Человек убрал бинокль, нажал на стартер, и джип растворился в придорожной пыли, оставив за собой лишь облачко белого дыма.

Игорь не обернулся. Он уже запускал двигатель, и шум старого мотора заглушал всё вокруг — и гул приближающейся беды, и шепот прошлого, и тихий голос внутри, который снова начинал шептать: «Взлетай. Докажи. Ты можешь».

Глава 1

Ангар пропах керосином, соляжкой и старой кожей — запахом, который Игорь уже не замечал, как не замечают собственного дыхания. Он лежал на спине под крылом Ан-2, затягивая контргайку на тяге управления элероном, и сквозь гул мотора соседнего самолёта слышал, как за спиной кто-то громко топает по бетонному полу. Шаги были лёгкими, быстрыми — женскими.

— Рязанцев, ты там живой? — раздался насмешливый голос. — Или тебя придавило этим корытом?

Игорь не ответил. Он сделал ещё пол-оборота ключом, проверил люфт, удовлетворённо хмыкнул и только потом выполз из-под фюзеляжа. Аня стояла в трёх шагах, руки в карманах лётного комбинезона, рыжие волосы выбивались из-под сдвинутого на затылок шлема. Солнечный свет падал на её лицо, и она щурилась, но улыбалась — той дерзкой, чуть вызывающей улыбкой, которая заставляла всех механиков на аэродроме терять дар речи. Кроме Игоря. Он уже привык.

— Затянуть гайку — не значит починить, — сказал он, вытирая руки ветошью. — У тебя там на третьем цилиндре прогар клапана. Я его выточил на станке вчера, но это временное решение. Через месяц полетишь на замену головки блока.

— Через месяц я буду летать в Крым на соревнованиях, — отрезала Аня, — и ты сделаешь так, чтобы эта старушка не подвела. Ты же гений, Рязанцев.

— Я механик, — поправил он.

— Гений-механик, — она подошла ближе и заглянула ему в глаза. В её взгляде было что-то, от чего он всегда отводил глаза — слишком пристальное, слишком понимающее. — Слушай, я хочу поднять её в воздух сегодня. Проверить клапан.

Игорь резко выпрямился, бросив ветошь на верстак.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не закончил регулировку карбюратора. И не проверял гидравлику.

— Я проверю сама, — она усмехнулась. — Я, между прочим, летаю на этом чуде дольше, чем ты здесь работаешь.

— Тогда ты должна знать, что прогар клапана на взлётном режиме может рассыпать поршень. Ты хочешь садиться на аварийку с одним цилиндром? Нет, Аня. Я не выпущу самолёт до завтра.

Она скрестила руки на груди и посмотрела на него с вызовом. В этом жесте, в этом взгляде было столько упрямства, что Игорь невольно вспомнил себя прежнего — того, кто

тоже не умел отступать. Но тот Игорь погиб пять лет назад в бункере вместе с Жорой. Теперь он был просто роботом по ремонту железа.

— Ты боишься, — сказала она тихо.

— Чего?

— Летать. Ты боишься, что старушка развалится, потому что тогда ты будешь виноват. Как тогда, — она посмотрела на него в упор. — Я знаю, кто ты, Рязанцев. Мне рассказал старый Лёха, который работал с тобой в НИИ. Ты разрабатывал двигатели, которые летают на форсаже, а теперь боишься поднять биплан на сто метров.

Кровь бросилась в лицо. Игорь сжал челюсти так, что заныли зубы.

— Ты ничего не знаешь.

— Тогда докажи, — она кивнула в сторону самолёта. — Сядь со мной в кабину. Ты выступишь вторым пилотом. Если боишься, просто смотри вперёд и не думай. Я возьму управление на себя. Но ты должен это сделать, Игорь. Тебя уже пять лет нет в небе. Как можно жить без неба, если ты инженер?

Он стоял молча, сжимая в руках ржавый гаечный ключ. Снаружи, за распахнутыми воротами ангара, стоял июльский день — яркий, звонкий, с белыми кучевыми облаками, которые медленно плыли куда-то на восток. Пахло нагретой травой и авиационным бензином. Игорь вспомнил, как в последний раз поднимался в небо — на испытательном стенде, который разлетелся в щепки. Он вспомнил лицо Жоры в тот последний миг, вспомнил, как не успел.

— Я не сяду в этот самолёт, — сказал он, отворачиваясь.

Аня вздохнула, но в её голосе не было разочарования — только лёгкая грусть.

— Значит, будешь чинить чужие самолёты до конца жизни. И ждать, пока кто-то напишет на твоём надгробье: «Здесь лежит человек, который боялся жить». Ты этого хочешь?

Она развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Её лёгкие шаги гулко отдавались от стен ангара, и в этом звуке было что-то окончательное. Игорь смотрел ей в спину, и вдруг внутри, где-то глубоко, в том месте, которое он считал мёртвым, что-то шевельнулось. Что-то похожее на злость. Или на стыд. Или на желание доказать, что он ещё существует.

— Стой, — сказал он тихо, но Аня услышала.

Она обернулась, и в её глазах мелькнул огонёк.

— Десять минут, — сказал Игорь, бросая ключ на верстак. — Я проверю масло и переключу топливный кран. И если я скажу, что мы не взлетаем, мы не взлетаем. Ясно?

Аня широко улыбнулась, её лицо озарилось той радостью, которую Игорь не видел уже давно.

— Ясно, капитан. Даю тебе десять минут.

Через двадцать минут они сидели в кабине, пристёгнутые ремнями, и Игорь чувствовал, как у него подрагивают пальцы на левой руке, сжимающие рычаг шасси. Зато правая, привычная к гаечным ключам, лежала на секторе газа спокойно и твёрдо. Аня перебрала тумблерами на приборной панели, включила зажигание, и мотор кашлянул синим дымом, потом взревел уверенно и ровно.

Игорь смотрел на стрелки: давление масла — норма, температура головки — норма, обороты — в зелёном секторе. Машина дышала, жила, и в этом шуме было что-то родное, почти забытое. Он закрыл глаза на мгновение, и когда открыл, взлётная полоса уже мелькала под колёсами.

— Взлетаем! — крикнула Аня, беря штурвал на себя.

Самолёт оторвался от бетона, и Игоря вдавило в кресло перегрузкой. Он вцепился в подлокотник, чувствуя, как кабина набирает высоту, как земля уходит вниз, становясь плоской, как карта. Всё внутри перевернулось — он помнил эти ощущения, помнил запах горячего металла, помнил, как воздух свистит за бортом, но теперь этот свист отдавался в висках болью.

Аня вела самолёт спокойно, уверенно. Она переглянулась с Игорем и улыбнулась.

— Ну что? Не страшно?

— За штурвал отвечаешь ты, — глухо сказал Игорь. — Я здесь только за двигателем.

— Смотри, — она кивнула вперёд. — Видишь Волгу? Мы летим над ней.

Игорь посмотрел вниз. Река извивалась серебряной змеей, залитая солнцем, а по берегам зеленели леса, и белые точки — деревни — растворялись в дымке. Красиво. Так красиво, что на мгновение он забыл, где находится. Он почувствовал тот давний, щемящий трепет, который испытывал ребёнком, когда отец впервые взял его в полёт на своём старом Як-18.

Аня перевела самолёт в пологий вираж. Игорь машинально скользнул взглядом по приборам: обороты стабильны, температура чуть выше нормы, но в допуске. Вдруг его взгляд зацепился за что-то, что заставило сердце пропустить удар. Стрелка вибрации, та самая, на которую он всегда смотрел с особым вниманием, слегка дрогнула, потом ещё раз.

— Аня, дай мне управление, — сказал он тихо.

— Что?

— Дай мне штурвал. Немедленно.

Она удивлённо глянула на него, но, увидев его глаза, передала управление, не споря. Игорь взял штурвал и резко перевёл самолёт в горизонтальный полёт, одновременно поднимая нос вверх. Он чувствовал, как вибрация прошла по всему корпусу, но он не дал ей развиваться. Он уменьшил газ, выровнял угол атаки, и через несколько секунд стрелка вибрации успокоилась, вернулась в норму.

— Что это было? — спросила Аня, и в голосе её больше не было смеха.

— Небольшой помпаж на впуске, — сказал Игорь, выдыхая. — Я чуть-чуть увеличил бы обороты — и мы могли потерять мощность. Ты перелила смесь на вираже. Не делай так больше.

Аня смотрела на него, как на привидение.

— Ты почувствовал это за две секунды до того, как я увидела стрелку.

— У меня натренированный глаз, — он пожал плечами, но внутри всё дрожало от напряжения. — Ладно. Бери управление обратно. Мы возвращаемся.

— Нет, — сказала она.

— Что значит нет?

— Мы не возвращаемся, пока ты не скажешь мне правду. Ты не просто механик. Ты гений, который может понять машину на слух, на вибрацию, на запах. Это не учат в училище. Это талант. И ты похоронил его в этом ангаре. Почему?

Игорь смотрел вперёд, на белые облака, которые неслись навстречу.

— Потому что я убил человека, — сказал он тихо. — Другого человека. Из-за моей веры в свои расчёты. И я не имею права снова кому-то верить. В том числе себе.

Аня молчала. Она убрала руки со штурвала и дала самолёту лететь по курсу, покачиваясь на потоках. Потом она взяла его руку, левую, дрожащую, и сжала её.

— Ты не убивал его. Его убил тот, кто подсыпал стружку. И ты знаешь это лучше всех.

Игорь резко повернул к ней голову.

— Откуда ты знаешь про стружку?

— Старый Лёха сказал. Он работал тогда лаборантом и видел, как Алексей заходил в бокс с масляным фильтром за день до испытаний. Он никому не сказал, потому что боялся. Но теперь он умирает от рака, и он решил, что ты должен знать.

В кабине повисла тишина, нарушаемая лишь рокотом мотора. Игорь медленно отпустил штурвал, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Чёрт, — выдохнул он. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Аня снова взяла управление.

— Теперь ты понимаешь, почему я заставила тебя подняться в воздух? Я не могла сказать тебе это на земле. Ты бы убежал, напился и забыл. Но здесь, в небе, ты не можешь убежать.

Ты должен принять решение: ты будешь дальше прятаться, или ты вернёшься и докажешь, что он — сволочь, а ты — не убийца.

Игорь открыл глаза. Солнце светило ему прямо в лицо, но он не щурился. Он смотрел на горизонт, где земля сливалась с небом, и впервые за пять лет чувствовал, как внутри поднимается что-то, что он считал умершим.

— Нам нужно вернуться, — сказал он. — И нужно, чтобы этот старый Лёха дал показания.

— Он даст, — кивнула Аня. — Я уже взяла с него слово. Но ты должен начать действовать. И если тебе нужна будет помощь — я рядом.

Она посмотрела на него, и в этом взгляде было что-то большее, чем просто дружеское участие. Игорь почувствовал, как его сердце, которое давно не билось так часто, заколотилось где-то в горле.

— Спасибо, — сказал он, и это слово прозвучало странно, будто он отвык от него.

— Не благодари, — усмехнулась она. — Ты мне ещё должен этот клапан сделать. Теперь летим домой. И, Игорь...

— Что?

— Добро пожаловать обратно в небо.

Они приземлились через двадцать минут, когда солнце уже клонилось к закату. Игорь вылез из кабины, снял шлем и почувствовал, как ветер треплет его седые виски. Он стоял на траве, вдыхая запах полей и авиационного топлива, и улыбался — впервые за долгие годы.

Аня выпрыгнула следом, хлопнула его по плечу.

— Я думала, ты сейчас блевать будешь, а ты стоишь как камень. Молодец.

Она ушла в ангар, а Игорь остался у самолёта. Он обошёл его, проверил масляный фильтр, прислушался к тому, как остывает мотор. И в этот момент в кармане его куртки завибрировал телефон.

Он достал его. Незнакомый номер.

— Слушаю.

— Игорь Рязанцев? — голос был низким, чуть хриплым, с металлическими нотками. — Меня зовут Евгений Олегович. Я представляю интересы одного человека, который хотел бы с вами встретиться. По делу, касающемуся вашего старого проекта.

Игорь замер. Рука, державшая телефон, слегка дрогнула.

— Какого проекта?

— Турбина «Т-13». Ваша керамика. Мы знаем, что вы были правы. И у нас есть доказательства саботажа. Но это не телефонный разговор. Мы вышлем вам координаты. Приходите завтра вечером. Один.

Голос стих, и на том конце раздались короткие гудки. Игорь стоял неподвижно, глядя на заходящее солнце, и в голове его вертелись тысячи вопросов.

Аня вышла из ангара, увидела его окаменевшее лицо и подошла ближе.

— Что случилось?

Игорь повернулся к ней, и в его глазах снова горел тот огонь, который она видела только на фотографиях.

— Похоже, — сказал он тихо, — что я не один хочу найти правду. Кто-то ищет меня. И завтра мы это узнаем.

Он убрал телефон в карман, глубоко вздохнул и, глядя на закатное небо, прошептал едва слышно:

— Жора, я обещаю. Я верну тебя.

Аня взяла его за руку, и они пошли к ангару, а за спиной у них на фоне багрового заката взлетал ещё один самолёт — чей-то, чужой, но всё равно прекрасный, разрезающий небо на две половинки.

Глава 2

Игорь не сомкнул глаз до рассвета. Он лежал на узкой койке в бытовке при ангаре, смотрел в потолок, где дрожала тень от уличного фонаря, и прокручивал в голове каждое слово из телефонного разговора. Голос был уверенным, властным — тот, кто звонил, привык, чтобы его слушали. Игорь попытался вспомнить, встречал ли он такого человека раньше, но память упрямо возвращала его к другому голосу — Жориному, срывающемуся на крик в последнюю секунду перед взрывом.

Он встал до солнца, умылся ледяной водой из бака и заварил крепкий чай в жестяной кружке. За окном начиналось утро — над Волгой поднимался туман, на аэродроме уже гудели тракторы, кто-то гонял двигатель на дальнем стенде. Обычный день, если бы не вчерашний полёт и не этот звонок, который перевернул всё.

Аня появилась ровно в семь, как всегда — без стука, с термосом и двумя бутербродами. Она поставила всё на стол и села напротив, внимательно глядя на Игоря.

— Ты не спал, — сказала она не вопросом, а утверждением.

— Я не сплю уже пять лет, — хмуро ответил он, но взял бутерброд. — Аня, мне нужно съездить сегодня вечером в город.

— На встречу с тем человеком?

— Да.

— Я еду с тобой.

Игорь откусил хлеб и покачал головой.

— Нет. Он сказал «один». Это может быть ловушка. Я не имею права подставлять тебя.

— А себя имеешь право подставлять? — Аня подалась вперёд, и её глаза сверкнули. — Слушай, Рязанцев, я не твоя жена и не твоя мать, но я не позволю тебе идти одному в неизвестность. Ты только начал оживать, вчера впервые за пять лет поднялся в воздух. Если с тобой что-то случится, я себе не прощу.

— А если со мной ничего не случится, а они проследят за тобой? Ты думала об этом?

Аня на секунду замолчала, но потом усмехнулась:

— Я умею быть незаметной. Я два года летала на северных трассах, где за тобой охотятся медведи, а не просто какие-то люди. Я справлюсь.

Игорь хотел возразить, но в её взгляде было столько упрямства, что он сдался. Он знал этот взгляд — так же смотрела Ольга перед тем, как уйти из его жизни. Игорь вздохнул и кивнул.

— Хорошо. Но ты держишься на расстоянии. Ты не приближаешься к месту встречи, пока я не дам знак. Если через час я не выйду — звони в полицию и уезжай отсюда как можно дальше. Договорились?

— Договорились, — она протянула ему руку, и он пожал её — холодную, крепкую, с мозолями от штурвала.

В пять вечера они выехали из аэроклуба на стареньком «УАЗе», который Игорь взял у начальника. Аня сидела рядом, сжимая в кармане диктофон и перочинный нож — мало ли. За городом туман рассеялся, дорога петляла среди полей, и Игорь думал о том, как сильно изменилась его жизнь за последние сутки. Ещё вчера он был просто механиком, который чинит бипланы и прячет прошлое за ржавым металлом. Сегодня он ехал на встречу с человеком, который обещал ему правду.

Координаты привели их к заброшенному ангару на окраине посёлка. Ржавые ворота были полуоткрыты, из щелей пробивался тусклый свет. Игорь остановил машину за два квартала и выключил двигатель.

— Жди здесь, — сказал он, выходя.

Аня перебралась за руль и пригнулась, чтобы её не было видно с дороги.

— Если через час не выйду — уезжай, — повторил Игорь.

— Не выйдешь — я зайду, — тихо сказала она, но он сделал вид, что не слышал.

Он прошёл к воротам и толкнул их. Внутри пахло маслом и сыростью. Ангар был пуст, только в центре стоял старый деревянный стол, на котором горела керосиновая лампа, и рядом сидел человек в длинном плаще — лет пятьдесят, короткая стрижка, жёсткое лицо, выдающее военную выправку. Рядом с ним стоял металлический кейс.

— Игорь Рязанцев? — человек поднялся и, не протягивая руки, кивнул на стул напротив. — Садитесь. Я Евгений Олегович. Вы уже говорили со мной по телефону.

Игорь сел, чувствуя, как напряжены мышцы спины. Он сразу оценил: человек не носит оружия на виду, но пиджак расстёгнут, и под мышкой угадывается кобура. Профессионал. Не бандит, но и не просто инвестор.

— Вы сказали, у вас есть доказательства саботажа, — начал Игорь без предисловий. — Я хочу их увидеть.

Евгений Олегович открыл кейс и достал папку с грифом «Секретно». На обложке стоял штамп НИИ, где Игорь работал пять лет назад.

— Это копии внутренних документов, которые вы не могли видеть, потому что они не были включены в официальное расследование, — сказал он, протягивая папку. — Обратите внимание на акт вскрытия масляного фильтра после катастрофы. Там указано, что в масле обнаружена легированная стружка, химический состав которой не соответствует ни одному из

материалов турбины. Это стружка от инструментальной стали, которую используют только в слесарных мастерских. Не в двигателестроении.

Игорь взял документ, развернул его и начал читать. С каждой строкой его лицо становилось всё более сосредоточенным. Внизу стояла подпись — размашистая, с завитками. Алексей Кравцов.

— Он подписал это, — сказал Игорь почти шёпотом. — Он сам подтвердил, что стружка была, но в заключении написал: «Следы износа подшипников». То есть он знал правду и скрыл её.

— Не только, — Евгений Олегович достал из кейса ноутбук и развернул экран. На нём была видеозапись с камеры наблюдения, установленной в коридоре, ведущем к стенду. Запись была помечена датой — за сутки до взрыва. На ней Алексей входит в технический бокс с чемоданчиком, через двадцать минут выходит, и на его руках — следы масла.

— Мы запросили архивные видеоматериалы, — продолжил Евгений Олегович. — Алексей тогда ещё не был главным конструктором, но он имел доступ к стенду, потому что курировал систему охлаждения. Он мог добавить стружку в масляный бак через специальный клапан. Это не прямое доказательство, потому что его не видно за действием, но косвенная цепочка очень крепкая.

Игорь откинулся на спинку стула. В груди закипала злость — холодная, вязкая, как моторное масло. Он сжал зубы и спросил:

— Кто вы? И зачем вам это?

Евгений Олегович закрыл ноутбук и сложил руки на столе.

— Я представляю группу частных инвесторов, которые хотят возродить ваш проект — ту самую турбину на керамике. Мы знаем, что технология рабочая. Мы видели ваши старые расчёты, которые вы не уничтожили, когда вас уволили. Сегодня Алексей занимает ваше место, но он не гений. Он менеджер. Он не сможет довести двигатель до серии. А вы сможете.

— Я отстранён пожизненно, — горько усмехнулся Игорь. — Мне запрещено работать с авиационными двигателями.

— Этот запрет можно обжаловать, если появится новое расследование, которое докажет вашу невиновность и вину Алексея. Мы предлагаем вам юридическую поддержку и деньги на разработку. Взамен — вы даёте нам право на коммерческое использование вашей технологии после того, как вы её доведёте до ума.

Игорь долго молчал, глядя на керосиновую лампу. Внутри него боролись два человека: один — уставший, разбитый механик, который боится новой боли; второй — инженер, который до сих пор видит во сне расчёты, видит лопасти, которые вращаются в пламени, и слышит победный крик Жоры.

— У меня есть условие, — сказал он наконец. — Если я соглашусь, я хочу, чтобы имя Георгия Соболева было восстановлено как соавтора. Он погиб при испытаниях, и комиссия

повесила на него часть вины как на «недостаточно квалифицированного испытателя». Это ложь.

Евгений Олегович слегка наклонил голову.

— Мы сделаем это. Договорились.

Они обменялись рукопожатием. Евгений передал Игорю флешку с документами и визитку.

— Звоните мне, когда ознакомитесь с материалами. Но будьте осторожны: Алексей уже знает, что я был в НИИ и делал запросы по старым делам. Возможно, за вами будут следить. Я бы посоветовал вам временно сменить место жительства.

Игорь кивнул, сунул визитку в карман и встал.

— Я подумаю.

Он вышел из ангара в сумерки. Воздух был чистым и прохладным, над полями зажигались первые звёзды. Он сделал несколько шагов к «УАЗу», когда услышал сзади шум мотора. Оглянувшись, он заметил, что метрах в ста, у въезда в посёлок, остановилась чёрная «Тойота». Её фары были выключены, но в зеркале заднего вида он увидел, как она медленно тронулась и последовала за ним.

Игорь ускорил шаг, сел в машину и завёл двигатель. Аня уже была за рулём, её лицо было бледным.

— За нами едут, — сказала она коротко. — Я видела эту машину ещё когда ты заходил в ангар. Она стояла у заправки.

— Давай уходим, — сказал Игорь, вжимая педаль газа.

«УАЗ» рванул с места, но «Тойота» тоже прибавила ходу. На пустынной дороге развернулась ночная погоня — не стремительная, как в фильмах, а вязкая, напряжённая. Они петляли по просёлкам, но чёрная машина держалась на расстоянии, не приближалась, но и не отставала.

— Мы не сможем вернуться в аэроклуб, — сказал Игорь, сжимая руль. — Они знают, где я работаю.

— Тогда едем к моей бабушке, — сказала Аня. — Деревня за Волгой, туда даже навигатор не показывает. Мы переждём до утра, а там решим.

— А если они нас догонят?

— Не догонят, — она улыбнулась, и в её улыбке снова была та дерзость, которую Игорь так ценил. — Я знаю все объездные дороги. Держись!

Она резко вывернула руль, и «УАЗ» нырнул в заросли, съехав с дороги прямо в поле, а затем по едва заметной колее — в лес. «Тойота» промчалась мимо, а они остановились в густом ольховом кустарнике, заглушив мотор. Вокруг было темно и тихо, только сверчки стрекотали.

Игорь выдохнул и повернулся к Ане.

— Ты сумасшедшая. Ты это знаешь?

— Знаю, — она засмеялась, но смех был нервным. — Но я жива, и ты жив. Значит, всё правильно.

Они сидели в полной темноте, прислушиваясь к звукам ночи. Через пять минут они услышали далёкий гул машины — «Тойота» развернулась и поехала обратно в сторону города. Опасность миновала, но Игорь чувствовал, что это только начало.

— Аня, — сказал он тихо, — я должен уехать. Не к бабушке, а совсем. В Москву или в Питер. Начать всё заново, с этим человеком Евгением. Но я не могу тащить тебя в это дело. Ты слишком много для меня сделала, я не хочу, чтобы ты страдала.

Аня медленно повернулась к нему. В темноте он не видел её глаз, но слышал, как она дышит — ровно, спокойно.

— Игорь, ты дурак. Ты правда думаешь, что я брошу тебя сейчас? Я тебя нашла, когда ты был в грязи. Я тебя подняла в небо. Я тебя заставила поверить в себя. И теперь ты хочешь уйти один, чтобы я была в безопасности? Но я не хочу быть в безопасности. Я хочу быть с тобой. Это не обсуждается.

Она взяла его ладонь и прижала к своей груди. Он почувствовал её сердцебиение — частое, громкое, живое.

— Завтра мы едем в Москву, — сказала она. — Вместе. И если там будет опасно, мы будем опасаться вместе. Ты понял?

Игорь хотел возразить, но слова застряли в горле. Вместо этого он просто сжал её руку и прошептал:

— Я понял. Спасибо тебе.

Они сидели так долго, пока не начал заниматься рассвет. В лесу запели птицы, и первые лучи солнца пронзили листву, упав золотыми пятнами на их лица. Аня улыбнулась, и Игорь впервые заметил, что в её глазах есть что-то большее, чем просто смелость. Там была теплота — та, которую он не чувствовал со времён, когда Ольга ещё верила в него.

— Мы справимся, — сказала она.

— Да, — ответил Игорь, и в этом «да» не было ни тени сомнения.

Он завёл двигатель, и «УАЗ» выехал из леса на пустую дорогу, унося их в новый день — в новую жизнь, где прошлое больше не имело власти.

Глава 3

Москва встретила их серым, промозглым утром, когда небо висело низко, и мелкий дождь косо сек по лобовому стеклу старенького «УАЗа».

Аня вела машину уже двенадцатый час, почти без остановок. Игорь сидел рядом, сжимая в руке флешку с документами. Он почти не спал — мысли метались, как оборванные провода, и каждая из них билась током. Евгений Олегович, Алексей, стружка в масле, керамика, Жора... И Аня. Аня, которая спала на заднем сиденье, подложив под голову куртку, и дышала ровно, как ребёнок.

Он посмотрел на неё в зеркало заднего вида, и что-то в груди сжалось. Она не заслужила всего этого. Она могла бы остаться в аэроклубе, летать на старых бипланах, смеяться с механиками и не знать о том, что где-то в Москве зреет заговор, который может раздавить её, как насекомое. Но она выбрала его. И от этого становилось одновременно тепло и страшно.

— Просыпайся, — сказал он тихо. — Мы почти на месте.

Аня открыла глаза, потянулась и тут же стала собранной, будто и не спала.

— Где мы?

— Въезжаем в Чертаново. У меня есть старый друг, он сдаёт комнату в коммуналке. Там тихо, нас никто не найдёт, пока мы не решим, что делать дальше.

Он припарковался у старой хрущёвки, серой и обшарпанной, с облупившейся краской на подъездных дверях. Вокруг сновали люди — женщины с колясками, старики с сумками на колёсиках, ребята с мячом. Обычная жизнь, которая текла мимо, не замечая их.

На третьем этаже их встретил низенький лысый мужчина в очках с толстыми стёклами. Петрович, старый сослуживец отца Игоря, такой же инженер, который давно сидел на пенсии и занимался тем, что собирал модели парусников.

— Игорёк! — Петрович обнял его, худой, но цепкий. — А я уж думал, ты пропал. А это кто?

— Это Аня, — сказал Игорь, пропуская её в узкую прихожую. — Мы ненадолго, на пару дней.

— Располагайтесь, — Петрович широким жестом указал на маленькую комнату с двумя раскладушками и столом, заваленным журналами. — Места мало, но тихо. Я вас никому не сдам, не бойтесь.

Они оставили вещи и вышли на кухню, где Петрович уже ставил чайник. Игорь развернул ноутбук и вставил флешку. На экране замелькали документы: сканы актов, фотографии масляного фильтра, заключения экспертиз. Он листал их один за другим, и на лице его проступало всё больше напряжения.

— Вот здесь, — он ткнул пальцем в экран. — Смотри, Аня. Это заключение лаборатории, которое не попало в официальное дело. Здесь чётко указано: стружка имеет примеси ванадия и молибдена. Это вольфрамовые свёрла, которые используют в токарных цехах. Их вообще не должно было быть рядом с масляной системой.

— А в официальном заключении было написано «следы износа подшипников», — кивнула Аня. — Значит, кто-то подменил страницы.

— Да. И этот кто-то — Алексей. Он знал, что металл не подшипниковый, но он заставил лаборантов переписать акт. Старый Лёха рассказал мне про это перед смертью, но у меня не было доказательств. А теперь они есть.

Игорь перешёл к видеозаписи. Камера зафиксировала Алексея, входящего в бокс с чемоданчиком. Игорь замерял по секундам — ровно двадцать три минуты Алексей провёл внутри, а вышел с масляными следами на рукаве. Но лица его видно не было — только спина и затылок.

— Этого мало для суда, — сказал Игорь глухо. — Если он скажет, что это не он, а кто-то другой, мы не сможем доказать. Нужно что-то ещё.

Петрович, который всё это время молча слушал, вдруг подал голос:

— Игорь, я знаю одну вещь. Когда я работал в НИИ, там был архивариус — Зинаида Павловна. Она хранит все черновики и даже обрывки. Говорят, она никогда ничего не выбрасывает. Если Алексей действительно подменял документы, он мог оставить следы в старых бумагах. Может быть, она что-то помнит.

Игорь встрепенулся.

— А она жива?

— Жива, но старая, — вздохнул Петрович. — Живёт в Подольске у дочери. Если хочешь, я позвоню ей, скажу, что ты приедешь.

— Да, звони, — сказал Игорь, чувствуя, как внутри загорается надежда. — Аня, мы едем в Подольск.

Дорога заняла около часа. Они остановились у тихой деревянной пятиэтажки на окраине города. В квартире пахло старыми книгами и лекарствами. Зинаида Павловна оказалась маленькой сгорбленной женщиной с ясными голубыми глазами, которые смотрели на Игоря с удивлением и узнаванием.

— Рязанцев? А вы выросли... Ваш отец часто приходил ко мне, просил книги по сопромату. Как он?

— Умер, — коротко ответил Игорь.

— Ах... жаль. Я помню его чертёжником был. Всё хотел что-то новое придумать, но начальство давило. Ну, давайте чай, рассказывайте, зачем пришли.

Они сидели на кухне, и Игорь рассказал о взрыве, о гибели Жоры, о стружке и об Алексее. Зинаида Павловна слушала молча, но когда он закончил, она вдруг поднялась и вышла в другую комнату. Через пять минут она вернулась с пожелтевшей папкой, перевязанной бечёвкой.

— Это старые сметы и приказы, — сказала она. — Я их сохранила, когда уходила на пенсию. Обратите внимание на накладную №17. За две недели до катастрофы кто-то заказал специальные вольфрамовые свёрла, которые используют для сверления титана. Их списали на нужды цеха, но в цехе их не было. А в мастерской, где работал Алексей, они были. Я помню, я тогда подписывала этот документ, потому что начальник был в отпуске.

Игорь раскрыл папку. Накладная была на месте, и внизу стояла подпись, которую он узнал бы из тысячи: размашистая, с завитками. Алексей Кравцов.

— Боже... — прошептал он. — Он заказал сверла за месяц до испытаний. Значит, он готовил всё заранее.

— Я видела, как он их забирал, — сказала Зинаида Павловна, и голос её дрогнул. — Я шла по коридору, а он выходил со свёрлами в чехле. Он меня увидел и очень удивился. Я ему даже сказала: «Алексей, ты же не на токарном работаешь, зачем тебе это?» Он ответил: «Для личного проекта». Я удивилась, но не придавала значения. Теперь понимаю, что это было.

Игорь сжал папку в руках так сильно, что побелели костяшки.

— Вы согласитесь дать показания?

Зинаида Павловна вздохнула, посмотрела на портрет мужа на стене и медленно кивнула.

— Я должна. Я видела его лицо тогда, Игорь. Он знал, что делает. Я не прощу себе, если промолчу.

В комнате повисла тишина. Игорь почувствовал, что у него перехватило дыхание. Он подошёл к окну и долго смотрел на закатное небо, где начинали зажигаться звёзды.

— Алексей, — прошептал он, — ты ответишь за всё.

Они возвращались в Москву уже в темноте. Игорь сидел за рулём, Аня — рядом, и в машине было тихо, только шум мотора и свист ветра. Вдруг Аня тронула его за руку.

— Останови, — сказала она.

— Что?

— Останови, прошу.

Он съехал на обочину, заглушил двигатель и повернулся к ней.

— Что случилось?

— Ничего не случилось, — Аня вздохнула, и голос её был нежным. — Просто... ты снова стал тем Игорем, которого я искала. Тем, который борется, который не сдаётся. Я не хочу терять этот момент.

Она взяла его лицо в ладони и посмотрела прямо в глаза. В темноте кабины свет фар от встречной машины на мгновение осветил её глаза, и Игорь увидел в них всё: и страх, и надежду, и что-то большее, что он не решался назвать.

— Я люблю тебя, Игорь, — сказала она просто, без пафоса. — Ты можешь ничего не говорить в ответ. Просто знай.

Его сердце, которое долгое время билось только для расчётов, вдруг пропустило удар. Он не думал, не просчитывал, не взвешивал — он просто наклонился и поцеловал её. Вкус её губ был горьковатым от придорожной пыли, но тёплым, как летнее утро.

— Я тоже, — прошептал он, отстранившись. — Я просто боялся в это поверить.

Она улыбнулась, и в темноте кабины зажглась маленькая жизнь — та, которую он никогда не видел раньше. Они сидели, обнявшись, пока небо потемнело, и где-то далеко зажглись первые огни города.

На следующий день Игорь позвонил Евгению Олеговичу.

— У нас есть новая информация, — сказал он. — Старый архивариус сохранила накладную на вольфрамовые свёрла, которые Алексей лично заказывал. Она готова дать показания.

В трубке повисла пауза, а потом голос Евгения прозвучал сухо и озабоченно:

— Игорь, я рад, что вы продвигаетесь. Но у меня для вас плохие новости. Алексей узнал о том, что я делал запросы. Он начал давить на руководство НИИ, чтобы уничтожить все материалы по вашему делу. Если не успеть подать иск в течение недели, они могут уничтожить все улики.

— Неделя? — Игорь переглянулся с Аней. — У нас есть накладная, видеозапись, показания двух свидетелей. Этого достаточно?

— Почти, — сказал Евгений. — Но суд потребует независимую техническую экспертизу. А для неё нужен сам двигатель. Вы знаете, где он?

Игорь нахмурился.

— Он на военном складе в подмосковной Балашихе. Я сам предлагал его уничтожить, но комиссия решила оставить как вещественное доказательство. Он там должен быть до сих пор.

— Хорошо. Я организую доступ к складу. Но у меня есть для вас ещё один сюрприз. Мы нашли инвестора, который хочет финансировать вашу турбину, но он поставил условие: он увидит пробный запуск двигателя на испытательном стенде. Через две недели.

Игорь замер.

— Через две недели? Я не успею даже разобрать его, не то что запустить.

— У вас есть команда, — сказал Евгений. — Я подобрал людей: трое бывших инженеров из вашего НИИ, которые работали с вами и не побоялись уволиться. Они готовы к вам присоединиться. И ещё — у нас есть копия ваших старых чертежей. Вы будете делать не новый двигатель, а восстановить тот самый прототип, который уже работал. Вы доведёте его до ума и запустите. Если вы согласны, я пришлю за вами машину через час.

Игорь закрыл глаза. Всё происходило слишком быстро — вчера он был механиком в глуши, сегодня он стоял на пороге того, о чём мечтал пять лет. Но вместе с восторгом пришёл и страх. Старый, глухой страх, который поселился в нём после смерти Жоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.